УДК 294.3
DOI 10.30792/2949-5768-2024-9-53-57

М. В. Орбодоева

БУДДИЗМ В ПОЛИТИКЕ СЕВЕРНОЙ ВЭЙ (386–534)

Статья посвящена роли буддизма в становлении политического уклада династии Северная Вэй (386–534). Основным фактором его развития стало отношение императоров к буддизму. Основатель династии Северная Вэй Тоба Гуй (Дао У-ди, 386–409) обратил особое внимание на буддизм, увидев в нем идеологическое средство для консолидирования разноэтнического населения, что отвечало его политическим интересам и способствовало централизации власти.

Ключевые слова: буддизм, Северная Вэй, власть, реформы.

M. V. Orbodoeva

BUDDHISM IN THE POLITICS OF NORTHERN WEI (386–534)

The article is devoted to the role of Buddhism in the formation of the political system of the Northern Wei Dynasty (386–534). The main factor in its development was the attitude of the emperors to Buddhism. The founder of the Northern Wei Dynasty, Tuoba Gui (Dao Wu-di, 386-409), paid special attention to Buddhism, seeing it as an ideological means for consolidating the multiethnic population, which met his political interests and contributed to the centralization of power.

Keywords: Buddhism, Northern Wei, power, reforms.

Деление Китая на Южные и Северные царства в Китае началось с захвата кочевыми племенами тобийцев северной части Восточной Цзинь (317–420). К этому времени правление династии Восточной Цзинь характеризовалось политическим хаосом, внутренними распрями, экономическим спадом, царившими голодом и разрухой. Предводитель тобийцев Тоба Гуй (371–409), установил в завоеванной части севера Китая династию Северной Вэй (386–534). Впоследствии здесь были образованы четыре царства – Восточная Вэй (534–550), Западная Вэй (535–556), Северная Ци (550–577) и Северная Чжоу (557–581).

Основав свое государство Северная Вэй, Тоба Гуй сразу же провел ряд важных политических и экономических реформ, которые позволили ему укрепить свое положение. Им были учреждены столичный район и восемь административно-территориальных единиц (аймаков), которые возглавлялись чиновниками. В стратегически важных пунктах, а также в столицах бывших царств, организовал военные наместничества. Вся земля объявлялась собственностью государя. Были проведены

Орбодоева Марина Валерьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: orbodoevamv@yandex.ru.

опись угодий и перепись населения, которое превратилось в податное сословие. Крестьянам роздали земельные наделы, установили налоговые ставки. Для создания районов сельскохозяйственного производства и ремесленных центров Тоба Гуй осуществил несколько массовых переселений. В 398 г., после захвата северной части Шаньдуна, в столицу перевезли 100 тыс. семей «искусных работников и мастеровых». В 399 г. 100 тыс. крестьянских семей из захваченной Хэнани насильственно переселили в обезлюдевшие районы Шаньси. Такого рода массовые переселения (опыт, позаимствованный из древнекитайской социально-хозяйственной практики) помогали Тоба Гую не только регулировать хозяйственную деятельность, но и взять ее под полный государственный контроль. Для знати установили ранговую систему, по образцу китайской. Каждому рангу соответствовал удел определенной площади. Удельные владения, а также титулы и должности передавались по наследству, что стало уступкой обычаям родовитых семей Тоба. Следует подчеркнуть, что социально-экономические привилегии распространялись помимо собственно тобийцев и на представителей других сяньбийских групп и ветвей, которые оказались на территории Северного Вэй, поэтому реформы Тоба Гуя способствовали также и этнической консолидации новорожденного государства [История Китая 2014: 128].

В условиях разнообразия верований, а также полиэтничности населения основатель династии Северная Вэй Тоба Гуй (Дао У-ди, 386–409) обратил особое внимание на буддизм, увидев в нем идеологической средство для консолидирования разноэтнического населения, что отвечало его политическим интересам и способствовало централизации власти. Буддизм, как и сами тобийцы, был пришлым учением, но вместе с тем сумевшим пустить здесь свои корни. Сам Тоба Гуй был последователем даосизма, но при этом был знаком с буддийскими текстами (см.: [Янгутов, Орбодоева 2019]). Интерес к буддизму, скорее всего, у него был прагматическим, идеологически востребованным.

С самого начала проникновения буддизма в Китай, его правители проявляли к нему неоднозначные отношения. При этом, независимо от своего отношения, они не препятствовали распространению иноземного учения в своей страны. И не без поддержки правящих кругов строились буддийские монастыри. Отношение к ним менялось в зависимости от настроения императоров. Существует множество примеров, когда монархи приближали к себе буддийских иерархов, одаривали монастыри землями и льготами, но были нередки и случаи гонения. Самые известные из них, когда монастыри подверглись погромам, а земли изымались, произошли в период правления императора Тай-у (太 武 帝), династии Северная Вэй (北 魏, 424–452).

Основатель династии Тоба Гуй также не обошел своим вниманием наличие буддийской сангхи в своем царстве. До его завоевания северной части Китая, отношения буддийской сангхи и имперской бюрократии были не простыми. И это объясняется тем, что имперская бюрократия была выстроена по конфуцианскому образцу, берущему начало с эпохи Хань (202 до н. э. – 220 н. э.), где благодаря деятельности Дун Чжуншу (190/179–120/104 гг. до н. э.), оно стало государственной идеологией. С крушением империи Хань, конфуцианство утратило свои идейно-политические и философские позиции, однако в области государственного управления оно продолжало сохранять свои позиции. Выстроенный в ханский период бюрократический ап-

парат по конфуцианскому образцу был на протяжении всей истории императорского Китая. Этот бюрократический аппарат унаследовал и Тоба Гуй.

Противостояния буддийской сангхи и имперской бюрократии начались с дискуссии между конфуцианским сановником Юй Бином (296–344) и буддистом Хэ Чуном (292–346) относительно вопроса о необходимости буддистами кланяться государю. Юй Бин настаивал на том, что буддисты должны кланяться государю, буддисты, имевшие у себя на hодине в Индии независимый статус, отказывались кланяться. «Суть аргументации Юй Бина сводится к тому, что ритуал поклонения и почитания напрямую связан с исконными китайскими традициями и никто из цзиньских подданных не может быть исключением» [Янгутов, Халтаева 2016: 91]. Дискуссии между буддистами и имперской бюрократии касались не только вопроса о необходимости совершать поклон государю, но главным образом «здесь решались социальные и политические вопросы, связанные с подчинением буддийской сангхи государственной власти. В ходе этой дискуссии фактически решался вопрос подчинения буддийской сангхи светским законам, становления et частью государства, его социальной и политической системы или же сохранения своего независимого социального статуса» [Ch'en 1973: 69–73].

Тоба Гуй, использовавший буддизм как идеологическую поддержку своего правления, кардинально решил вопрос противостояния сангхи и имперской бюрократии. Буддизм, обладающий независимым от государства статусом, не мог быть достаточно прочной идеологической опорой власти. Поэтому он не мог смириться с независимым статусом буддийской сангхи. Она должна была быть полностью подконтрольной государству, поэтому он установил контроль над деятельностью буддийской сангхи и ее монахов, учредив контролирующий орган во главе с монахом Фа Го (法果). Иначе говоря, государство стало контролировать деятельность буддистов и их сангхи, чего не было при Восточной Цзинь. Такое положение в корне меняло принципы взаимоотношения буддийской сангхи и государственного аппарата власти, существовавшие в период двух Цзинь [Янгутов, Халтаева 2016: 100].

Назначенный на должность контролера за деятельностью сангхи монах Фа Го выдвинул тезис о том, что император является воплощением Будды Татхагаты, поэтому монахи должны кланяться императору, так же как и Будде. Контроль за деятельностью сангхи и монахов, осуществляемый ведомством Фа Го, распространялся вплоть до регистрации монахов и регламентации их численности [Ch'en 1973: 72.].

Установив государственный контроль над сангхой, Тоба Гуй в определенной степени решил проблему противостояния сангхи и государственного аппарата в пользу последнего. Но это не означало, что буддизм оказался в немилости у правителей. Наоборот, его развитие получило широкий размах. Первые императоры Северной Вэй способствовали строительству новых монастырей. Сам Тоба Гуй возвел новый буддийский храм Тасы (ок. г. Пинчен) [Чжунго фоцзяо 1996: 68].

Развитие буддизма приобрело такие масштабы, что, согласно сведениям исторической записи, составленной Ян Сюаньчжи («Лоян целан цзи» (Записи о лоянских монастырях)) и относящейся к периоду династии Суй (581–618), численность буддийских монахов к концу Северной Вэй достигла более 2 млн, а монастырей было более 30 тыс. [Там же: 70].

Вместе с тем быстрый рост числа монастырей и благосостояния буддийских сообществ, которые владели необлагаемыми налогами землями, вызывал недовольство имперской бюрократии, которая интерпретировала усиление буддийской сангхи как потенциальную угрозу экономическим основам государства. Большое недовольство властей вызывал тот факт, что монастырские привилегии привлекали тяговых крестьян, укрывавшихся от налогов. Они сбегали со своих мест, ища приют в монастырях. Кроме того здесь находили приют бродяги и преступники [История стран… 1970: 60]. Имперские чиновники настраивали правителей на ограничение прав и привилегий буддийской сангхи. В первый раз им это удалось в 446–452 гг. при правлении Тай У-ди (424–452), когда они спровоцировали гонения на буддизм.

Однако при последующем императоре Юань Сюе (516–528) буддизм вновь был объявлен государственной религией. Что касается установления Тоба Гуем контроля над буддийской властью, то эта его инициатива сыграла большую роль в дальнейших взаимоотношениях буддизма и имперской власти.

Основатели династии Суй (557–640) переняли этот опыт взаимодействия с буддийской сангхой. Последующие правители императорского Китая не допускали ее независимый статус. Установление контроля за деятельностью сангхи, а в последующем за деятельностью сформированных в Китае буддийских школ показывало, что буддизм в Китае стал политической и социальной составной государственной власти и общества. Это, в свою очередь, обусловливало тот факт, что сангха, встроенная в политическую, социальную систему китайского общества, поддерживала государственную власть, при этом извлекала и собственные выгоды. Монастыри при поддержке государственной власти все более становились крупными землевладельцами. Учение буддизма активно использовалось императорами для укрепления своей власти, особенно суйскими и танскими властями в их борьбе за объединение Китая и централизацию власти. Поэтому буддийская идея о единстве всего сущего также пришлась по душе суйскому и танскому двору. Классический пример использования буддизма в своих интересах – это правление танской императрицы У Цзэтянь (624–705).

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности: Россия – XVIII–XXI вв.; Китай – II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия – XVI–XXI вв.)») № 121031000261-9.

Литература

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 3. Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907). – М.: Вост. лит-ра, 2014. – 991 с.

История стран зарубежной Азии в средние века. – М.: Наука; Глав. ред. вост. лит-ры, 1970. – 640 с.

Янгутов Л. Е. Религиозные верования в политической культуре императорского Китая / Л. Е. Янгутов, О. Р. Халтаева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. – 154 с.

Янгутов Л. Е. Формирование принципов взаимоотношений буддизма и государственной власти в имперском Китае / Л. Е. Янгутов, М. В. Орбодоева // Вопросы истории. – 2019. – № 3. – С. 140–153.

Ch'en K. K. The Chinese transformation of Buddhism / K. K Ch'en. – Princeton: Princeton University Press, 1973. – 345 p.

Чжунго фоцзяо (Китайский буддизм). – Шанхай, 1996. – 489 с.

References

Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka. T. 3. Troecarstvie, Czin', Yuzhnye i Severnye dinastii, Suj, Tan (220–907). – M.: Vost. lit-ra, 2014. – 991 s.

Istoriya stran zarubezhnoj Azii v srednie veka. – M.: Nauka; Glav. red. vost. lit-ry, 1970. – 640 s.

Yangutov L. E. Religioznye verovaniya v politicheskoj kul'ture imperatorskogo Kitaya / L. E. Yangutov, O. R. Haltaeva. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2016. – 154 s.

Yangutov L. E. Formirovanie principov vzaimootnoshenij buddizma i gosudarstvennoj vlasti v imperskom Kitae / L. E. Yangutov, M. V. Orbodoeva // Voprosy istorii. – 2019. – № 3. – S. 140–153.

Ch'en K. K. The Chinese transformation of Buddhism / K. K Ch'en. – Princeton: Princeton University Press, 1973. – 345 p.

Chzhungo foczyao (Kitajskij buddizm). – Shanhaj, 1996. – 489 s.